

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

Н.Д. КОЛЕННИКОВА

СУБЪЕКТИВНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ДИНАМИКА И СПЕЦИФИКА

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (kolennikova-nina@mail.ru).

Аннотация. В статье показано, что за последнее «кризисное» десятилетие в субъективной социальной структуре российского общества произошли изменения, связанные прежде всего с заметным ростом численности условных социальных «верхов». Отмечен существенный прирост в десятилетней ретроспективе оценок своего статуса и статуса родительской семьи как высоких. На этом фоне продолжают расти статусные притязания россиян, которые и ранее во все периоды наблюдений оказывались значительно выше оценок собственного или родительского статусов. Несмотря на произошедшие изменения, российское общество остается обществом массовых субъективных средних слоев. Выявлена роль жизненных целей, связанных с получением престижной работы, хорошего заработка в оценке собственной статусной позиции и статусного воспроизводства. Отмечается высокая значимость образовательного статуса родительских семей. Проанализированы имущественные различия статусных групп и некоторые характеристики образа жизни их представителей, иллюстрирующие относительно благополучное положение социальных «верхов» и субъективных средних слоев в сравнении с субъективными «социальными низами» и переходной группой. Основной эмпирической базой выступили данные 15-й волны мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенной в 2024 г.

Ключевые слова: социальный статус • субъективная стратификация • социальная структура • субъективное измерение • статусные группы • статусные притязания

DOI: 10.31857/S0132162524120071

Теоретико-методологические предпосылки исследования. За последнее десятилетие Россия прошла через череду социально-экономических потрясений и преобразований, которые отразились на объективных характеристиках социального статуса россиян и его субъективном восприятии. При этом изменения в уровне жизни или каких-либо отдельных материальных составляющих благополучия не всегда приводят к смене социального самочувствия или поведенческой модели, тогда как субъективное восприятие собственной позиции может существенно влиять на социальное, эмоциональное и даже физическое самоощущение индивида. Не случайно М. Вебером субъективное измерение стратификации позиционировалось как не менее значимое, чем объективное, поскольку оно учитывает не только и не столько измеряемое конкретной статусной иерархией

социально-экономическое положение индивида, сколько трудноизмеримые, но более значимые с точки зрения восприятия индивида обществом уровни престижа и власти [Weber, 1978; Waters, Waters, 2016]. И даже первые эмпирические исследования субъективной стратификации, в противовес распространенным тогда двух и трех классовым структурам, основанным на объективных показателях, продемонстрировали, что группы, различающихся условным «престижным рангом», может быть гораздо больше [Warner, Lunt, 1942; Warner, 1960] и, соответственно, модели их поведения, а также мотивы и основания действий могут существенно различаться. В фокусе современных зарубежных исследований помимо методологических и методических вопросов об особенностях шкал субъективного статуса и границах статусных групп по этим шкалам [Raudenska, 2024; Lenzner, Höhne, 2021], находятся также факторы различной природы, обуславливающие те или иные оценки собственного статуса.

Интерес у исследователей в последние 5–10 лет вызывает взаимосвязь субъективной оценки своей социальной позиции как с объективными характеристиками индивида, так и со спецификой субъективных самооценок или отношения к отдельным процессам и явлениям. Из объективных характеристик индивида на взаимосвязь с самооценками субъективного социального статуса наиболее часто проверяются размеры доходов [Curtis, 2013], отдельные аспекты социальной мобильности, например, доходной [Curtis, 2016] или внутрипоколенческой [Ares, 2020; Kuball, Jahn, 2024], специфики социального капитала [Kim, Lee, 2021; Bucciol et al., 2020] и сравнительно реже – агрегированные объективные статусы [Chen, Fan, 2015].

Из субъективных критериев на взаимосвязь с самооценками социального статуса исследуются чаще всего запросы на перераспределение доходов, сокращение социальных неравенств [Evans, Kelley, 2017; Duman, 2020] и отношение к прогрессивной шкале налогообложения как один из механизмов сокращения избыточных неравенств [Fernández-Albertos, Kuo, 2018; Cansunar, 2021]. Привлекает внимание исследователей и взаимосвязь субъективного социального статуса с политическими установками индивида [Kroll, Delhey, 2013; Melli, Scherer, 2024].

В российской науке теме субъективной стратификации населения также уделяется значительное внимание, хотя и с относительно недавних пор, как указывает на это Н.Е. Тихонова [2018]. Наиболее значимые работы в этой области появились в предыдущем десятилетии. В их фокусе находились динамика и специфика взаимосвязей субъективного социального статуса с факторами объективного и субъективного свойства – от характера занятости [Зудина, 2013] и представлений о социальных неравенствах [Гимпельсон, Монусова, 2014] и жизненном успехе человека [Косова, 2014] до выявления сравнительной значимости совокупности факторов различной природы при оценке собственного статуса [Тихонова, 2014]. Относительно новых материалов, посвященных этой теме, сравнительно немного, но они учитывают ключевые тенденции в динамике субъективного социального статуса и определяющих его факторов, связанных с относительной устойчивостью субъективной социальной структуры, усилением роли материального благосостояния в статусном самоопределении [Тихонова, 2018; Коленникова, 2018; Тихонова, 2021; Общество неравных возможностей..., 2022].

Специфика восприятия массовыми слоями населения своего положения в обществе выступает значимым индикатором социально-экономической и социально-политической стабильности и позволяет не просто конкретизировать запросы населения на микро- и макроуровнях, но и оценить реалистичность их воплощения в силу существования тесной взаимосвязи между самооценкой своего статуса индивидом и его запросами [Тихонова, 2021]. Применительно к российскому населению в современных условиях нарастающих социально-экономических и политических вызовов, а также в связи с изменением роли нематериальных характеристик для самоопределения социального статуса, выявление специфики восприятия собственной позиции в обществе, в том числе в динамике, приобретает особую актуальность. В данной статье мы продолжим традицию анализа

динамики субъективного социального статуса по общепринятой шкале в ретроспективе последних «кризисных» десяти лет. Также мы определим конфигурацию статусных групп, значимо различающихся спецификой восприятия своего положения на «социальной лестнице»¹, и предпримем попытку выявить наиболее тесные взаимосвязи принадлежности к этим группам с ключевыми социально-демографическими и имущественными характеристиками индивидов, а также некоторые различия в образе жизни субъективных статусных групп.

Эмпирическую базу исследования составили результаты 15-й волны поквартирного мониторингового опроса², проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в апреле 2024 г. по общероссийской районированной квотной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей взрослое (18 лет и старше) население РФ по полу, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Для анализа динамики отдельных показателей использовались данные многолетних мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, осуществленных по аналогичной модели выборки.

Жизненные цели и объективные характеристики индивида как основания субъективного социального статуса. Большинство россиян с точки зрения оценок ими своего положения в обществе не относят себя ни к категории абсолютно успешных, ни к числу социальных аутсайдеров, хотя доля первых численно гораздо выше (30,5%), чем вторых (7,2%). Примерно так же выглядели эти показатели и в 2014 г. (32,4 и 6,7%). Наиболее же типична для россиян характеристика своего статуса как удовлетворительного, то есть находящегося между социальными низами и условными верхами (60,4% в 2014 г. и 62% в 2024 г.). В этом смысле российское общество остается обществом «субъективного среднего класса» [Тихонова, 2018]. Зафиксирована тесная взаимосвязь субъективной оценки собственного социального статуса с желанием получить престижную работу, хорошо зарабатывать, иметь интересную работу, жить не хуже других, сделать карьеру и получить

Таблица 1

Динамика взаимосвязи субъективной оценки социального статуса и достижимости некоторых жизненных целей, 2018–2024 гг., коэффициент корреляции Спирмена, отражено по данным 2024 г.

Жизненные цели	2018	2024
Получить престижную работу	0,293	0,282
Хорошо зарабатывать	0,312	0,279
Иметь интересную работу	0,286	0,252
Жить не хуже других	0,273	0,226
Получить хорошее образование	0,176	0,219
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	0,184	0,211

Примечания. Субъективная оценка социального статуса рассматривалась на основании ответов на вопрос: «Как вы оцениваете следующие стороны своей жизни? Ваше положение, статус в обществе». Предлагались варианты ответов: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо». Затруднившиеся с ответом исключались из анализа, их доля в выборке составила 0,4%. Вопрос о жизненных целях в исследовательском инструментарии сформулирован следующим образом: «К чему вы стремились в своей жизни и в каких сферах уже добились желаемого?» Варианты ответа: «уже добились этого», «пока не добились, но считают, что еще добьются», «хотели бы, но вряд ли добьются», «в планах этого не было» и «затрудняюсь ответить». При работе с этими переменными затруднившиеся с ответом исключались из анализа, по каждой из целей доля таких ответов не превышала 1%. Все приведенные в таблице и далее в главе коэффициенты значимы на уровне 0,01.

¹ Данное устойчивое в стратификационных исследованиях выражение используется в кавычках как синоним термина «субъективный социальный статус».

² Маршрут по населенному пункту с заменой отказавшихся по следующему адресу.

хорошее образование. Динамика этих взаимосвязей демонстрирует два ключевых тренда. Первый из них – выход на первый план целей, связанных с обеспечением престижности своей рабочей позиции, и ослабление связи оценок социального статуса с желанием иметь высокий заработок (табл. 1). Второй тренд связан с усилением роли целей, связанных с образованием и карьерой при оценке собственного положения в обществе. Восприятие социального статуса может как существенно улучшаться по мере достижения этих целей, так и, напротив, ухудшаться при осознании невозможности их реализовать.

В целом практически половина россиян считает, что им живется не хуже других (51,1%), они получили хорошее образование (48,0%) и имеют интересную работу (47%). Немало и тех, кто уверен, что еще достигнет этих целей в будущем (34,5, 16,6 и 31% соответственно). Гораздо реже россияне говорят о полном достижении таких целей, как желание хорошо зарабатывать (28,2%), иметь престижную работу (17,8%) и сделать карьеру (17,1%). Однако, если к профессиональной, общественной или политической карьере стремится не каждый, а более трети россиян просто не ставят себе такой цели (33,7%), то в желании хорошо зарабатывать и трудиться на престижной работе признается абсолютное большинство (92,3 и 84,7% соответственно). В обоих случаях значительная часть россиян сомневается в осуществимости этих целей в принципе (36,8 и 27,8%).

Из объективных характеристик индивида наибольшую взаимосвязь с субъективными оценками положения в обществе демонстрируют именно величина доходов и профессиональный статус. Как хорошее свое положение в обществе чаще определяют представители материально обеспеченных слоев (54,9%), руководители (52,2%), предприниматели (43,1%) и специалисты на должностях, предполагающих наличие высшего образования (44,4%). В низкодоходных слоях и среди безработных относительно чаще встречаются его оценки как плохого (13,5 и 13,2% соответственно)³. В динамике с 2014 г. взаимосвязь между профессиональной принадлежностью и оценкой собственного статуса стала теснее⁴, а с доходом несколько ослабла⁵. Это, как и приведенные выше показатели коэффициента корреляции Спирмена, указывает на постепенное усиление роли нематериальных составляющих для обеспечения престижности позиции как в системе производственных отношений, так и в обществе в целом. То есть восприятие социального статуса россиянами имеет под собой вполне объективные основания, хотя значимость некоторых из них может изменяться во времени.

Статусные группы и динамика субъективной стратификации в 2014–2024 гг. Рассмотрим более дифференцированные субъективные оценки социального статуса, зафиксированные с применением графического теста, подразумевающего выбор респондентом позиции на 10-ступенчатой шкале социальных статусов. Этот метод часто используется исследователями, считается более надежным и валидным по сравнению с оценкой статуса на схеме в виде пирамиды, которая ведет к занижению индивидом своего места на ней. В распределении самооценок россиянами собственного социального статуса существует заметное тяготение к серединным позициям (рис. 1). Примечательно, что только при выборе самой нижней позиции доминирует и оценка своего положения в обществе как плохого. Тем не менее и среди ставящих себя на вторую и третью ступени «социальной лестницы» значительно чаще распространены оценки этих позиций как плохих (29,3 и 19,9% против 7,2% в среднем по выборке) и реже как хороших (10,3 и 13,0% против 30,4% соответственно).

Учитывая малочисленность группы социальных аутсайдеров (ставящих себя на самую нижнюю позицию) и факт доминирования в следующих двух группах негативных оценок своего статуса над позитивными, мы будем рассматривать все три эти группы как представителей сравнительно немногочисленных субъективных «социальных низов» (11,9%).

³ Соответствующие коэффициенты Спирмена равны 0,262 и 0,234.

⁴ Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена были равны 0,232 в 2014 г. и 0,294 в 2024 г.

⁵ Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена составили 0,288 в 2014 г. и 0,272 в 2024 г.

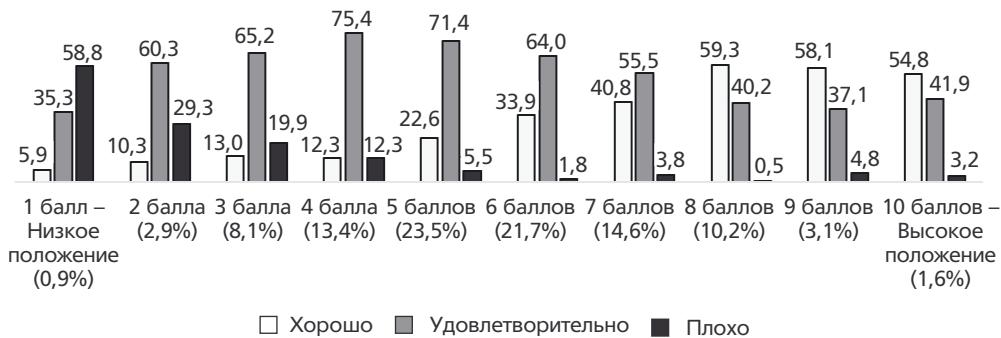

Рис. 1. Взаимосвязь самооценки своей позиций на «социальной лестнице» с оценкой собственного положения в обществе, 2024 г., в %

Примечание. Коэффициент корреляции Спирмена между представленными переменными равен 0,369.

Численность ассоциирующих свой статус с высокими ступенями на «социальной лестнице» составляет 14,9%, и только с 8-й ступени заметно доминирование субъективных оценок соответствующих позиций как хороших. Серединные же позиции на статусной лестнице пользуются у россиян наибольшей популярностью, но выбирающие их распадаются на две группы. Первая группа (выбирающие позицию в 4 балла) находится ближе к полюсу субъективных социальных низов и является переходной, поскольку доля оценивающих свой статус в ней как плохой значительно выше, чем в среднем по выборке, а характеризующих его как хороший — ниже общероссийской. О ее переходном характере говорит и то, что доли оценивающих свой статус как плохой и хороший в ней равны. Вторая группа объединяет тех, кто выбрал 5–7 позиции на «социальной лестнице», поскольку позитивное восприятие собственного статуса на этих позициях доминирует над негативным, а в случаях с 6 и 7 позициями даже превышает общероссийский уровень.

Портреты выделенных статусных групп сильнее всего различаются профессиональными и экономическими характеристиками (табл. 2). В группе субъективно высокостатусных относительно чаще встречаются руководители и специалисты на должностях, предполагающих наличие диплома о высшем образовании, а среди «социальных низов» доминируют экономически неактивные слои населения. Та же тенденция поляризации фиксируется и в отношении индивидуальных доходов. Существует также взаимосвязь между субъективным восприятием своего статуса и уровнем образования как собственным, так и родителей, хотя эти связи и слабее. Тем не менее наличие высшего образования относительно чаще встречается среди представителей высокостатусной группы, хотя типичным оно не стало пока ни для одной из групп. Кроме того, практически каждый четвертый представитель всех рассматриваемых статусных групп имеет диплом о высшем образовании, что указывает на довольно высокую дифференциацию жизненных траекторий имеющих этот диплом.

Роль родительского образования для высокой самооценки собственного статуса оказывается более значимой, чем собственного. Среди тех, кто определял свой статус как высокий, меньше всего выходцев из семей, в которых оба родителя не имели профессионального образования (19,1%). Среди представителей субъективных средних слоев таких было уже 25,4%, в переходной группе и «социальных низах» 42,3 и 40,1% соответственно. При этом наибольшая численность выходцев из семей, в которых один или оба родителя имели высшее образование, фиксируется в субъективных средних слоях и высокостатусной группе (35,5 и 33,1% против 18,6 и 23,4% среди представителей «социальных низов» и в переходной группе). Таким образом, высокий образовательный статус родительской

Таблица 2

Ключевые характеристики групп, различающихся субъективным статусом их представителей, 2024 г., в %

Группы	«Низы»	Переходная группа	Средние слои	Высокостатусные
<i>Профессиональный статус работающих</i>				
Предприниматели и самозанятые	4,0	4,3	4,6	5,9
Руководители разных уровней	–	1,2	5,3	8,6
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование	13,9	19,3	24,5	30,9
Служащие на должностях, не требующих высшего образования	17,8	18,6	14,3	15,6
Рядовые работники торговли или сферы бытового обслуживания	17,8	16,1	14,7	14,1
Рабочие от 5 разряда	16,8	12,4	15,0	10,9
Рабочие 1–4 разряда и без разряда	29,7	28,0	21,6	14,1
<i>Статус занятости</i>				
Работают	42,8	60,1	74,5	86,2
Не работают (в том числе пенсионеры – 73,8%)	57,2	39,9	25,5	13,8
<i>Индивидуальные доходы по отношению к поселенческой медиане</i>				
Высокодоходные (с доходами свыше 2 медиан)	–	2,0	9,5	14,4
Среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан)	8,9	13,7	27,1	37,5
Медианная группа (от 0,75 до 1,25 медиан)	31,3	35,3	36,4	33,2
Низкодоходные (с доходами не выше 0,75 медианы включительно)	59,8	49,0	27,0	14,8
<i>Образовательный уровень</i>				
Высшее	22,9	25,4	35,4	41,4
Среднее специальное или незаконченное высшее	53,8	50,7	50,5	45,5
Без профессионального образования	23,3	23,9	14,1	13,1
Всего	11,8	13,4	59,8	14,9

Примечания. Фоном выделены показатели, превышающие среднюю величину по выборке более чем на 3%, жирным шрифтом – максимальный показатель по столбцу. Коэффициенты корреляции Спирмена составили между принадлежностью к статусной группе и: профессиональным статусом 0,281, индивидуальным среднемесячным доходом 0,331, уровнем образования 0,138, образованием обоих родителей 0,163.

семьи повышает вероятность позитивной оценки собственного статуса⁶, хотя полностью ее и не определяет.

⁶ Отчасти это связано, видимо, с межгенерационным воспроизведением образовательных статусов и привилегированным положением выходцев из высокообразованных семей.

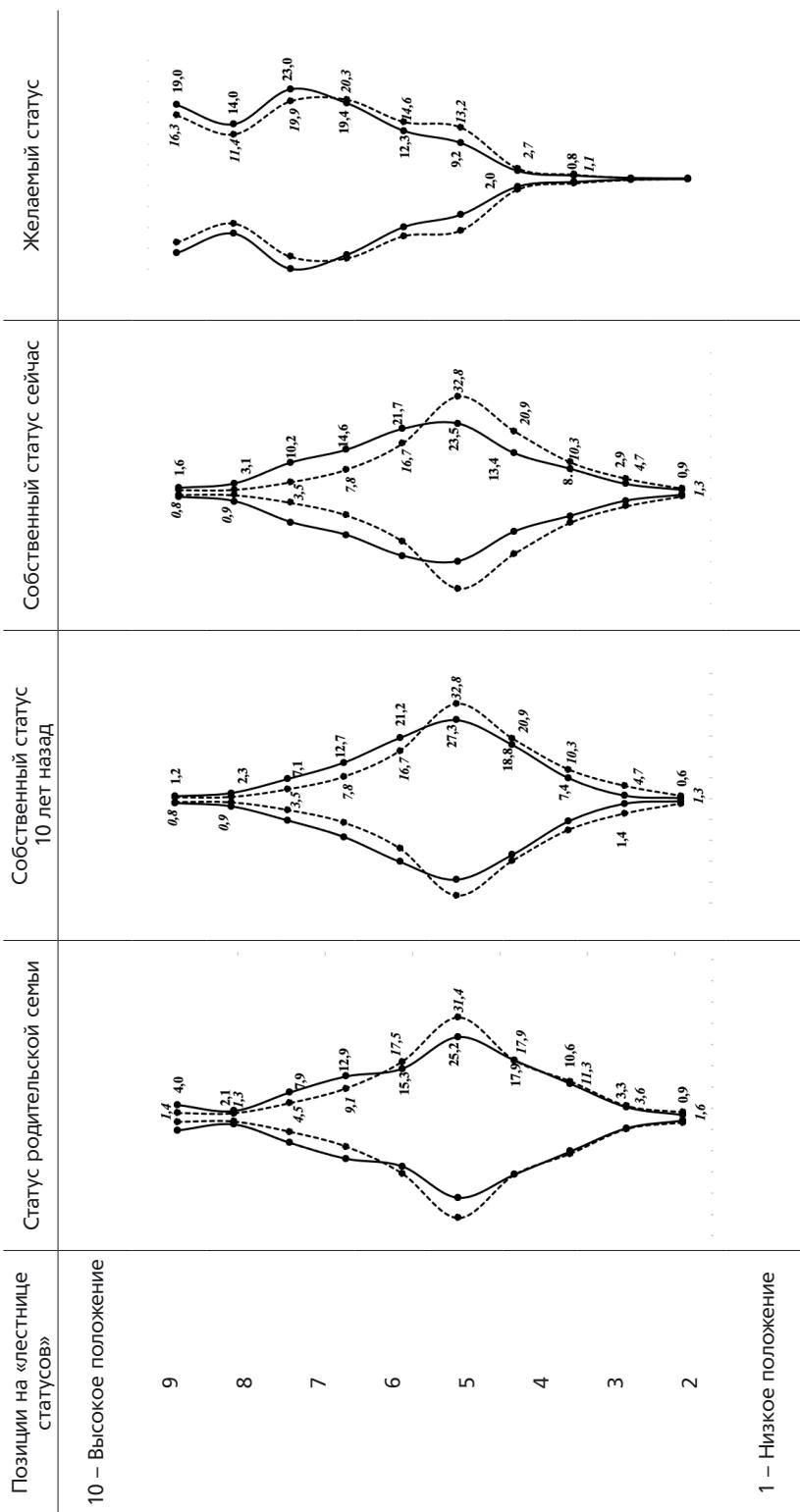

Рис. 2. Динамика оценок россиянами положения в обществе их родительских семей, их собственных статусных позиций 10 лет назад, их нынешнего места в обществе и желаемой статусной позиции в нем, 2014–2024 гг., в %

Примечание. Гунктирная линия соответствует 2014 г., сплошная – 2024 г.

Межгенерационное воспроизведение статусных позиций можно увидеть при сопоставлении оценок, которыми россияне определяют позицию родительской семьи и свою собственную в общественной иерархии (рис. 2). Эти оценки очень похожи, хотя просматривается тенденция к повышению оценок собственного статуса в сравнении со статусом родительской семьи. Так, 39,8% представителей высокостатусной группы происходили из семей, которые поставили на средние (5–7) позиции, при этом почти треть (28,2%) субъективных средних слоев вышли из семей, находившихся, по их оценкам, на низких и переходных позициях. Также 37,6% состава переходной группы и 35,5% представителей социальных низов происходили из средних слоев, то есть у них имело место снижение статуса по отношению к родительской семье (нисходящая межгенерационная социальная мобильность).

Еще важнее восприятие динамики собственного статуса. Практически половина (51,5%) состава высокостатусной группы оценивала в 2024 г. свой статус 10 лет назад как средний, то есть, по крайней мере, субъективно эти люди совершили серьезный рывок. Восходящую мобильность из состава социальных низов и переходной группы совершил и каждый пятый представитель нынешних субъективных средних слоев (20,7%). Наряду с этим в совокупности треть состава представителей «социальных низов» оценивали свой прежний статус как средний (32,6%) или высокий (2,5%), а среди представителей переходной группы таких было 39,5 и 2,3% соответственно. Это значит, что нисходящая мобильность также распространена в массовых слоях населения довольно широко.

Обращаясь к характеру статусных притязаний, отметим, что они у россиян достаточно высоки, поскольку более половины населения в качестве желаемых выбрали высокие позиции (56,0%), а место среди «социальных низов» и даже в переходной зоне устроило бы не более чем 3,1% населения.

Кроме того, статусные притязания россиян довольно специфичны. Так, чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше оказывается разрыв между самооценкой места, фактически занимаемого им на «социальной лестнице», и ступенью, на которой он хотел бы находиться. Большинство представителей «социальных низов» стремятся к серединным позициям (62,1%), но которые как минимум на 2–3 ступени выше их текущего статуса. Еще каждый четвертый из их состава хотел бы занимать 8–10 позиции в иерархии социальных статусов (23,8%). В переходной группе соответствующие показатели равны 55,3 и 35,5%. При этом 56,4% представителей субъективных средних слоев тоже хотели бы сменить свои позиции на более высокие (от 8 и выше).

Статусные притязания россиян в целом устойчивы, и произошедшие за последнее десятилетие сдвиги говорят только об их росте (табл. 3). В целом такая модель социальных притязаний существовала 20 лет назад⁷ и с тех пор, несмотря на кризисы 2010-х и новые социально-экономические вызовы 2020-х гг., еще больше укрепилась в обществе.

Что касается субъективной модели стратификации, основанной на текущих оценках россиянами своего социального статуса, то с 2014 г. вдвое выросла численность характеризующих как высокий статус своей семьи (14 против 7%) и собственный статус в десятилетней ретроспективе (11 против 5%), втрое возросла доля аналогичных оценок собственного статуса (15 против 5%). В этой связи важно понимать, что влияет на ощущение своего места в обществе, если принимать во внимание не только социально-демографические характеристики индивида, но и особенности его ресурсной базы, а также испытываемые им проблемы.

Специфика субъективных статусных групп. Статусная самоидентификация связана с некоторыми имущественными характеристиками россиян и особенностями образа их жизни. Наличие любого движимого, недвижимого имущества и товаров длительного

⁷ Доли выбравших соответствующие позиции в 2003 г. как желаемые составили: 10 (верхняя статусная позиция) – 13,2%; 9–9,9%; 8–22,5%; 7–19,8%; 6–16,3%; 5–14,3%; 4–2,8%; 3–0,9%. Две нижние позиции выбрали тогда менее 1,0% респондентов.

пользования относительно реже, чем в среднем по выборке, встречается у представителей «социальных низов» (за исключением квартиры или дома, и холодильника, которые имеет абсолютное большинство россиян вне зависимости от субъективной статусной позиции (87,7 и 99,2% в среднем по выборке).

Также в высокостатусной группе чаще встречается владение гаражом или местом на коллективной стоянке (24,6 против 8,1% среди «социальных низов»), а также вторым жильем (14,5 против 4,7% соответственно). Посудомоечные машины и кондиционеры также значительно чаще встречаются среди выбирающих высокие позиции на «лестнице социальных статусов» (31,6 и 48,1 против 5,9% и 19,1% в группе идентифицирующих себя с «социальными низами»). Характерной особенностью потребительского стандарта субъективных средних слоев выступают компьютеры и ноутбуки (66,5 против 36,0% и 48,1% среди «социальных низов» и членов переходной группы), а также автомобили (59,5 против 31,8% и 41,0% среди «социальных низов» и членов переходной группы). Еще чаще они встречаются в высокостатусной группе (74,7 и 71,4%). Все это само по себе многое говорит о различиях в образе жизни рассматриваемых групп.

Динамика владения различными видами имущества в группах с разными субъективными оценками своего социального статуса демонстрирует три ключевых тенденции, первая из которых заключается в изменении роли элементов традиционного образа жизни, связанных с владением землей (в т.ч. садово-огородными участками) и скотом. Вторая тенденция относится к росту обеспеченности россиян основным жильем, а третья связана с сокращением на этом фоне среди них численности владельцев иных видов недвижимого имущества, в особенности гаражей и мест на коллективных стоянках.

Рост владельцев дач среди представителей средних слоев отчасти связан с попыткой улучшить таким образом свое экономическое положение (применительно скорее к переходной группе), а отчасти – с характерным образом жизни (преимущественно субъективных средних слоев). Для иллюстрации этой тенденции мы обратились к данным ВЦИОМ, полученным на репрезентативной всероссийской выборке⁸, и предприняли попытку выявить взаимосвязь между владением дачей или земельным участком и субъективными оценками своего материального положения. Среди россиян, оценивающих его как плохое и очень плохое, сравнительно чаще распространено использование дач с целью выращивания сезонной сельхозпродукции (72,2 и 72,7% соответственно против 68,7% в среднем по массиву). Напротив, среди тех, кто оценивает свое материальное положение как хорошее, сравнительно чаще дачи используются в качестве места для развлечений и отдыха (44,4 против 31,5% в среднем по массиву). А среди владельцев дач с оценкой материального положения как очень хорошего чаще распространена практика сдачи в аренду этого вида имущества (11,1 против 0,9% в среднем).

В наибольшей степени сокращение владельцев недвижимого имущества коснулось наиболее благополучной в субъективном отношении группы, в которой за последнее десятилетие значимым образом уменьшились доли владельцев дач, участков без дома, гаражей и второго жилья. Это тревожный тренд на фоне того, что есть данные и об истощении ресурсной базы наиболее благополучной части массовых слоев населения под влиянием социально-экономических пертурбаций последнего десятилетия [Богомолова, Черкашина, 2020]. Вместе с тем это привело к некоторому сглаживанию имущественных

⁸ Использовались авторские расчеты на основании открытого массива данных, размещенного на сайте ВЦИОМ. См. подробнее информацию об особенностях инструментария и методики исследования по ссылке URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dacha-i-kak-my-ee-ispolzuem> (дата обращения: 24.07.2024). Для расчетов использовался вопрос о целях использования дачи: «Как вы чаще всего используете дачу или земельный участок?» (варианты ответа представлены по ссылке) и вопрос о субъективной оценке своего дохода: «Как бы вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?», варианты ответа предлагались следующие: «очень хорошее, хорошее», «среднее», «плохое, очень плохое», затруднившиеся ответить автором исключались из анализа, доля таких ответов в выборке составила 0,5%.

Таблица 3

Динамика владения различными видами движимого и недвижимого имущества в группах с разной статусной самоидентификацией, 2013–2024 гг., в %

Виды имущества	«Низы»		Переходная группа		Средние слои		Высоко-статусные		Россияне в целом	
	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024
Квартира, дом	80,7	87,7	81,0	84,0	83,7	88,6	84,3	87,5	82,5	87,7
Дача, садово-огородный участок с домом	22,7	21,2	24,7	29,1	27,7	32,2	44,9	28,6	26,9	30,0
Садово-огородный участок без дома	21,0	7,6	18,4	9,3	16,8	10,5	19,1	11,8	18,2	10,2
Земля	2,6	2,1	2,3	3,0	3,8	3,0	4,5	4,7	3,3	3,3
Скот	4,0	3,4	4,3	7,5	6,6	2,4	5,6	1,3	5,4	3,1
Гараж или место на коллективной стоянке	15,3	8,1	20,4	10,4	29,0	18,8	36,0	24,6	24,5	17,2
Второе жилье (квартира, зимний дом и т.п.)	4,5	4,7	3,7	4,9	6,8	8,5	18,0	14,5	6,3	8,5
Ничего из перечисленного в собственности не имеем	11,4	9,3	11,5	9,0	8,8	8,9	4,5	8,4	9,7	8,9

Примечание. Фоном в таблице выделены показатели, которые выросли более чем на 5 п.п. по отношению к 2013 г., жирным шрифтом и подчеркиванием – те, которые соответствующим образом снизились. В силу отсутствия необходимых данных в массиве 2014 г. использовались данные исследования «Бедность и бедные в современной России», проведенного в 2013 г.

различий, распространенной нормой сегодня является только владение основным жильем (табл. 3).

Наряду с имущественными различиями фиксируются отличия в досуговых предпочтениях рассматриваемых статусных групп. Субъективные средние слои и представители высокостатусной группы заметно отличаются многообразием форм досуговой активности. В динамике с 2013 г. наиболее высокие темпы сокращения приверженцев разнообразного досуга фиксируются среди «социальных низов» (с 55,4 до 28,4%) и в переходной группе (с 57,2 до 42,5% соответственно). Впрочем, и в остальных двух группах в этом смысле наблюдались нисходящие тенденции – с 70,1 до 53,1% среди субъективных средних слоев и с 66,3 до 54,9% в высокостатусной группе. То есть в последнее десятилетие происходило оскудение досуга россиян, но статусные позиции существенно корректируют эту общую тенденцию, на которую заметно повлияла пандемия коронавируса, заставившая в свое время многих отказаться от привычных форм досуга [Коленникова, 2021].

Прямо противоположная картина наблюдается относительно проблем, с которыми представители различных субъективных статусных групп сталкивались за последний год – их разнообразие характерно для «низов» (50,8% столкнулись в течение года перед опросом с тремя и более проблемами) и переходной группы (45,5% соответственно). Доля столкнувшихся сразу с несколькими проблемами значительна и в более благополучных в статусном отношении группах – 34,1% среди представителей субъективных средних слоев и 39,7% в высокостатусной группе. В течение последнего десятилетия ситуация с проблемами характеризовалась нарастанием их множественности, хотя и не таким стремительным, как изменения в области досуга. С 2014 г. увеличилась доля тех, кто за последний год перед опросом сталкивался с тремя и более проблемами (с 34,4 до 37,0%). Причем если оскудение досуга затронуло в большей степени нижние слои, то проблемы

наиболее высокими темпами нарастили в верхней части «социальной лестницы». С 2014 г. в высокостатусной группе доля характеризующихся множественностью проблем возросла с 8,7 до 39,7%, а среди представителей субъективных средних слоев – с 28,1 до 34,1%. Соответствующим образом в этих группах снизилась доля тех, кто не сталкивался со значимыми для них проблемами (с 53,3 до 26,9% среди высокостатусных и с 32,3 до 30,7% среди представителей средних слоев), хотя по итогам опроса 2024 г. в сравнении с «социальными низами» и переходной группой в них все-таки выше численность не сталкивающихся со значимыми проблемами.

Важна и иерархия конкретных проблем внутри разных статусных групп. В тройку наиболее распространенных из них для представителей «социальных низов» входят проблемы с обеспечением базовых витальных потребностей – проблемы со здоровьем (44,5%), материальным положением (46,6%) и доступом к необходимой медицинской помощи (28,8%). В переходной группе, поскольку в ее составе больше экономически активных граждан, проблемы со здоровьем (36,6%) и доходами (30,6%) дополняет проблема с работой (24,6%). В двух остальных статусных группах, во-первых, сравнительно высока численность заявляющих об отсутствии у них значимых проблем (30,7% в средних слоях и 39,7% среди высокостатусных россиян). Во-вторых, на первый план помимо универсальной для всех групп проблемы со здоровьем (33,2% в средних слоях и 22,2% в высокостатусных) у них выходят качественно иные проблемы, связанные с образом жизни, а не с обеспечением базовых потребностей, в частности нехватка времени на то, чтобы сделать повседневные дела (22,9 и 25,6% соответственно) и заняться тем, чем хочется (26,2 и 23,6%).

Выводы. С точки зрения восприятия собственной статусной позиции условные «социальные низы» и «верхи» массовых слоев составляют примерно равные по численности группы, хотя за последнее десятилетие численность вторых существенно возросла. Несмотря на это, российское общество с точки зрения соотношения различия групп в его субъективной социальной структуре является скорее обществом массовых средних слоев с доминированием нижней их части.

Восприятие социального статуса у россиян имеет под собой вполне объективные основания, включающие достижимость для них их приоритетных жизненных целей. Влияет на оценки россиянами своего статуса и статус родительских семей, что отражает межгенерационное воспроизведение статусных позиций. Однако это воспроизведение дополняется как восходящей статусной мобильностью, так и все еще достаточно массовой нисходящей мобильностью. Это настороживает на фоне довольно высоких социальных притязаний россиян.

Полярные статусные группы отличаются некоторыми имущественными характеристиками, образом жизни и спецификой переживаемых их представителями проблем. С точки зрения образа жизни «социальные низы» и тяготеющая к ним переходная группа (в сравнении с субъективными средними слоями и оценивающими свой статус сравнительно высоко) отличаются отсутствием экономических ресурсов, способных сформировать «подушку безопасности», недостаточной обеспеченностью товарами длительного пользования, предназначенными для увеличения комфорта и экономии времени, а также относительной скучестью и пассивностью досуга. В большей степени характерны для них и проблемы с обеспечением базовых потребностей, в то время как представители средне- и высокостатусной групп относительно чаще озабочены проблемами нехватки времени. При этом универсальными для всех статусных групп являются проблемы со здоровьем.

Наряду с этим фиксируются нисходящие тенденции в отношении имущественной обеспеченности и досуговой активности и восходящий тренд в части количества переживаемых проблем для тех, кто субъективно определяет свой статус как высокий. Несмотря на то что в целом именно этой части массовых слоев удавалось успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, их ресурсная база и образ жизни все же подверглись с середины 2010-х гг. значимым изменениям.

Таким образом, хотя последнее десятилетие оказалось непростым для россиян с точки зрения изменений в объективных условиях их жизни, это не привело к субъективному занижению их статусных позиций. Напротив, приросла численность как субъективно благополучных с точки зрения их статусной позиции россиян, так и желающих сменить свои позиции на еще более высокие. Тем не менее, несмотря на позитивные тренды в восприятии собственных статусных позиций, важно учитывать, что это восприятие тесно связано с уровнем запросов человека на желаемый социальный статус. Такие запросы среди россиян продолжают нарастать. Наиболее велик разрыв между текущей и желаемой статусными позициями среди условных «социальных низов» и в переходной группе, которые в совокупности составляют около четверти населения страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 6–33.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18. № 2. С. 216–248.
- Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.
- Коленникова Н.Д. Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения // Вестник Института социологии. 2018. № 1. С. 76–94.
- Коленникова Н.Д. Воздействие пандемии на социально-психологическое самочувствие и поведение россиян // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 18–32.
- Косова Л.Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. Т. 18. № 3–4. С. 118–126.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: ИС РАН, 2014.
- Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Ares M. Changing classes, changing preferences: how social class mobility affects economic preferences // West European Politics. 2020. Vol. 43(6). P. 1211–1237.
- Bucciol A., Cicognani S., Zarri L. Social Status Perception and Individual Social Capital: Evidence from the US // The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy. 2020. Vol. 20(1). P. 1–14.
- Cansunar A. Who Is High Income, Anyway? Social Comparison, Subjective Group Identification, and Preferences over Progressive Taxation // Journal of Politics. 2021. Vol. 83. № 4. P. 1292–1306.
- Chen Y., Fan X. Discordance between subjective and objective social status in contemporary China // The Journal of Chinese Sociology. 2015. Vol. 14. № 2. P. 1–20.
- Curtis J. Middle Class Identity in the Modern World: How Politics and Economics Matter // Canadian Review of Sociology. 2013. Vol. 50. № 2. P. 203–226.
- Curtis J. Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009 // European Sociological Review. 2016. Vol. 32. № 1. P. 108–121.
- Duman A. Subjective social class and individual preferences for redistribution: Cross-country empirical analysis // International Journal of Social Economics. 2020. Vol. 47. № 2. P. 173–189.
- Evans M.D.R., Kelley J. Communism, Capitalism, and Images of Class: Effects of Reference Groups, Reality, and Regime in 43 Nations and 110,000 Individuals, 1987–2009 // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 51. № 4. P. 315–359.
- Fernández-Albertos J., Kuo A. Income Perception, Information, and Progressive Taxation: Evidence from a Survey Experiment // Political Science Research and Methods. 2018. Vol. 6. № 1. P. 83–110.
- Kim J.H., Lee C.S. Social Capital and Subjective Social Status: Heterogeneity within East Asia // Social Indicators Research. 2021. Vol. 154. № 3. P. 789–813.
- Kroll C., Delhey J. A Happy Nation? Opportunities and Challenges of Using Subjective Indicators in Policy-making // Social Indicators Research. 2013. Vol. 114. № 1. P. 13–28.
- Kuball T., Jahn G. Subjective social status across the past, present, and future: status trajectories of older adults // European Journal of Ageing. 2024. Vol. 21. P. 1–11.

- Lenzner T., Höhne J.K. Measuring Subjective Social Stratification: How Does the Graphical Layout of Rating Scales Affect Response Distributions, Response Effort, and Criterion Validity in Web Surveys? // International Journal of Social Research Methodology. 2021. Vol. 25. № 2. P. 269–275.
- Melli G., Scherer S. Populist Attitudes, Subjective Social Status, and Resentment in Italy // Social Indicators Research. 2024. Vol. 173. P. 589–606.
- Raudenská P. Measurement Invariance of Subjective Social Status: The Issue of Single-Item Questions in Social Stratification Research // Research in Social Stratification and Mobility. 2024. Vol. 92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100953>.
- Warner W.L. Social Class in America. New York: Harper and Row, 1960 [1949].
- Warner W.L., Lunt P.S. The Status System of a Modern Community. New Haven: Yale University Press, 1942.
- Waters T., Waters D. Are the Terms "Socio-Economic Status" and "Class Status" a Warped Form of Reasoning for Max Weber? // Palgrave Communications. 2016. Vol. 2. P. 1–13.
- Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 1978.

Статья поступила: 06.09.24. Финальная версия: 04.11.24. Принята к публикации: 19.11.24.

SUBJECTIVE STRATIFICATION OF RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS AND SPECIFICS

KOLENNIKOVA N.D.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russia

Nina D. KOLENNIKOVA, Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia (kolennikova-nina@mail.ru).

Abstract. The article shows that during the last "crisis" decade some changes have occurred in the subjective social structure of Russian society. They are associated with the growing number of subjective upper strata. A significant increase was also recorded in the assessments of their previous status and the status of the parental family as high. The status claims of Russians are also increasing. However, despite these changes, Russian society remains a society of mass subjective middle strata. The high role of life goals related to getting a prestigious job, good earnings, as well as career and educational prospects for assessing one's own status position and for status reproduction was also noted. Special attention is focused on the high significance of the educational status of parental families. The property differences of status groups and some characteristics of the lifestyle of their members are analyzed. They testify to the relatively favorable situation of the upper strata and subjective middle strata in comparison with the subjective lower strata and the transition group. The main empirical base was the data of the 15th wave of the monitoring study of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, conducted in 2024.

Keywords: social status, subjective stratification, social structure, status groups, subjective measurement, status claims.

REFERENCES

- Ares M. (2020) Changing classes, changing preferences: how social class mobility affects economic preferences. *West European Politics*. Vol. 43. No. 6: 1211–1237.
- Bogomolova T., Cherkashina T. (2020) The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No. 4: 6–33. (In Russ.)
- Bucciol A., Cicognani S., Zarri L. (2020) Social Status Perception and Individual Social Capital: Evidence from the US. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*. Vol. 20. No. 1: 1–14.
- Cansunar A. (2021) Who Is High Income, Anyway? Social Comparison, Subjective Group Identification, and Preferences over Progressive Taxation. *Journal of Politics*. Vol. 83. No. 4: 1–20.
- Chen Y., Fan X. (2015) Discordance between subjective and objective social status in contemporary China. *The Journal of Chinese Sociology*. Vol. 14. No. 2: 1–20.
- Curtis J. (2013) Middle Class Identity in the Modern World: How Politics and Economics Matter. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 50. No. 2: 203–226.
- Curtis J. (2016) Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 1: 108–121.
- Duman A. (2020) Subjective social class and individual preferences for redistribution: Cross-country empirical analysis. *International Journal of Social Economics*. Vol. 47. No. 2: 173–189.

- Evans M.D.R., Kelley J. (2017) Communism, Capitalism, and Images of Class: Effects of Reference Groups, Reality, and Regime in 43 Nations and 110,000 Individuals, 1987–2009. *Cross-Cultural Research*. Vol. 51. No. 4: 315–359.
- Fernández-Albertos J., Kuo A. (2018) Income Perception, Information, and Progressive Taxation: Evidence from a Survey Experiment. *Political Science Research and Methods*. Vol. 6. No. 1: 83–110.
- Gimpelson V.E. (2014) Perception of Inequality and Social Mobility. *HSE Economic Journal*. Vol. 18. No. 2: 216–248. (In Russ.)
- Kim J.H., Lee C.S. (2021) Social Capital and Subjective Social Status: Heterogeneity within East Asia. *Social Indicators Research*. Vol. 154. No. 3: 789–813.
- Kolennikova N.D. (2018) The Economic Status of Russia's Working Population: Objective and Subjective Dimensions. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 1: 76–94. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2021) The Impact of the Pandemic on the Socio-Psychological Well-Being and Behavior of Russians. *INAB. Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)* [INAB. Russian Society in a Pandemic: a Year Later (Experience of Sociological Diagnostics)]. No. 2: 18–32. (In Russ.)
- Kosova L.B. (2014) Grounds for Success: a Comparative Analysis of Subjective Status Assessments. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. Vol. 18. No. 3–4: 118–126. (In Russ.)
- Kroll C., Delhey J. (2013) A happy nation? Opportunities and challenges of using subjective indicators in policymaking. *Social Indicators Research*. Vol. 1. No. 114: 13–28.
- Kuball T., Jahn G. (2024) Subjective social status across the past, present, and future: status trajectories of older adults. *European Journal of Ageing*. Vol. 21: 1–11.
- Lenzner T., Höhne J.K. (2021) Measuring Subjective Social Stratification: How Does the Graphical Layout of Rating Scales Affect Response Distributions, Response Effort, and Criterion Validity in Web Surveys? *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 25. No. 2: 269–275.
- Melli G., Scherer S. (2024) Populist Attitudes, Subjective Social Status, and Resentment in Italy. *Social Indicators Research*. No. 173: 589–606.
- Raudenská P. (2024) Measurement Invariance of Subjective Social Status: The Issue of Single-Item Questions in Social Stratification Research. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2024.100953>.
- Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia (2022) / Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *The social structure in Russia: theories and reality*. Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. Vol. 126. No. 1–2: 17–29. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) *Subjective Stratification of Russian Society: State, Dynamics, Key Problems: Analytical Report* / Ed. L.N. Ovcharova. Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Warner W.L. (1960 [1949]) *Social Class in America*. New York: Harper and Row.
- Warner W.L., Lunt P.S. (1942) *The Status System of a Modern Community*. New Haven: Yale University Press.
- Waters T., Waters D. (2016) Are the Terms "Socio-Economic Status" and "Class Status" a Warped Form of Reasoning for Max Weber? *Palgrave Communications*. Vol. 2: 1–13.
- Weber M. (1978) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press.
- Zudina A.A. (2013) Informal Employment and Subjective Social Status: The Case of Russia. *Economic Sociology*. Vol. 14. No. 3: 27–63. (In Russ.)

Received: 06.09.24. Final version: 04.11.24. Accepted: 19.11.24.